

С. Ф. Кокшаров, Н. Н. Ермакова

МЕАНДРОВЫЕ УЗОРЫ НА КЕРАМИКЕ ЛОЗЬВИНСКОГО И АТЛЫМСКОГО ТИПОВ

Интерес археологов и этнографов к народному орнаменту вполне закономерен. Общеизвестным является мнение, что его следует рассматривать как важный исторический источник, изучение которого проливает свет на вопросы, связанные с формированием отдельных народов и их историческими судьбами (Иванов С. В., 1963, с. 5). Ввиду того, что орнамент изменяется относительно медленно и отличается в силу этого стойкостью своих форм и технических приемов, представляется возможным говорить о сохранении в его составе различных разновременных мотивов, в числе которых оказываются и весьма древние, находящие свои аналогии в археологическом материале. Показательна в этом отношении работа В. Н. Чернецова «Орнамент ленточного типа у обских угров», в которой обращается внимание на большое сходство обскоугорского и андроновского орнамента¹ (Чернецов В. Н., 1948, с. 151—152). Сравнивая археологические и этнографические материалы, В. Н. Чернецов пришел к выводу, что степная андронидная орнаментация, проникшая в эпоху бронзы в среду таяжных племен, явилась основой для развития современной орнаментальной системы хантов и манси (1953, с. 61). По мнению же известного советского орнаментоведа С. В. Иванова, в этой связи можно говорить «не о всей обскоугорской орнаментике, а лишь об одном комплексе ее, представленном, главным образом, серией бордюрных орнаментов особого типа» (1963, с. 161).

Узоры, о которых идет речь, были отнесены В. Н. Чернецовым к орнаменту ленточного типа. Для него характерны

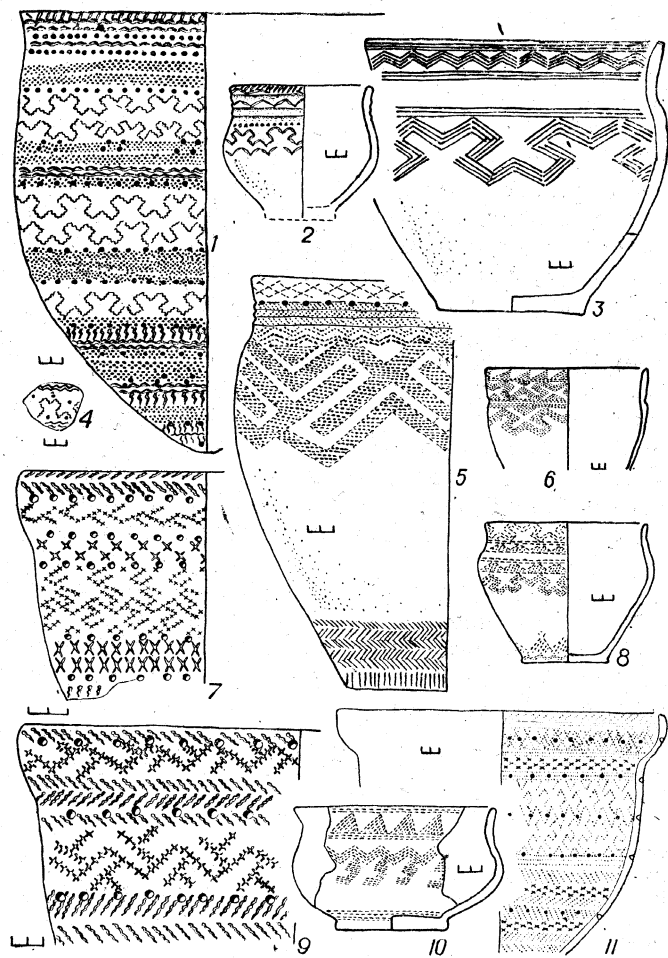
¹ К сожалению, термин «андоновский орнамент», укрепившийся в этнографической литературе, до сих пор не получил должного освещения.

построение на основе прямо или диагонально-поставленной квадратной сетки и наличие обратимости, т. е. совпадение контуров самого изображения и фона (Чернецов В. Н., 1948, с. 147). Согласно точке зрения С. В. Иванова, «ленточному орнаменту» в основном соответствует орнамент приобского типа (1963, с. 50), большинство мотивов которого характеризуется строгой геометрической формой, прямолинейностью, силуэtnостью, изломами под прямым углом и т. п. Исходя из этого, мы будем использовать данные понятия как равнозначные.

В ходе дальнейших археологических исследований было установлено, что андроновская культурно-историческая общность включает алакульскую и андроновскую (федоровскую) культуры. Продолжалось также дальнейшее изучение черкаскульских, сузгунских и еловских памятников, образующих так называемый андронидный пласт (Косарев М. Ф., 1983, с. 3), который связан, с одной стороны, с андроновской культурно-исторической общностью и, с другой — с населением Зауралья и таяжного Обь-Иртышья. По-видимому, параллельно с формированием на южной кромке тайги и севере лесостепи андронидных культур и, возможно, независимо от них в таяжной зоне Зауралья и Западной Сибири появляются памятники лозьвинского и атлымского типов². Керамику андронидных и таяжных культур объединяет наличие в орнаменте так называемых меандровых узоров, привлечших наше внимание. В предлагаемой работе дается описание меандровых узоров, встречаемых на лозьвинской и атлымской посуде, которые до сих пор почти не известны исследователям³. Наш интерес к этим орнаментальным мотивам объясняется также их сходством с некоторыми образцами орнамента приобского типа. Сравнивая упомянутые узоры на ке-

² Памятники, содержащие керамику лозьвинского типа, тяготеют к Среднему Зауралью (бассейн р. Тавды) и прилегающим районам Западной Сибири (р. Конда и ее притоки, Нижнее Приобье). Время их существования отнесено к эпохе поздней бронзы (Викторова В. Д., 1970, с. 257). В ареал атлымской культуры включаются таяжные районы Нижней и Средней Оби. Интересующая нас керамика, на которой встречены «меандровые» узоры, типична для поздних атлымских памятников, датированных X—VIII вв. до н. э. (Васильев Е. А., 1982, с. 11—12).

³ Авторы выражают благодарность В. М. Коноркину, М. В. Елькиной, В. М. Морозову, В. И. Стефанову, В. Ф. Кернер и Е. М. Беспрозванному за возможность использования неопубликованных материалов.

рамии различных культур, попытаемся воссоздать возможные пути его происхождения.

Обычное место расположения лозьвинских и атлымских меандровых узоров — тулово сосудов (рис. 1, 1, 7, 9, 11). На атлымской керамике, кроме того, они встречаются на шейке. Эти мотивы никогда не помещались в придонной части горшков. Сходство лозьвинских и атлымских орнаментов проявляется в способах их нанесения, что выражается, в частности, в использовании змейкообразных штампов. Те и другие могут быть легко воспроизведены на квадратной диагонально-поставленной сетке, т. е. в основу их построения положен один принцип.

На керамике лозьвинского типа нам известны две разновидности меандров⁴. Одна из них представляет собой узор в виде чередующихся роговидных фигур (рис. 1, 1, 4). Данный орнамент нередко встречается на изделиях из бересты и меха у обских угров и северосамодийских народов и имеет следующие названия: «щучьи зубы» (Лукина Н. В., 1979, с. 69, рис. 71; 2), «уши зайца» (Хомич Л. В., 1965, табл. X, 1, 4). Учитывая относительно простой вид меандра, мы рассматриваем его как исходный по отношению к производным от него узорам. Этот орнаментальный мотив, как показывает моделирование, мог получиться в результате расщепления сетки, изображенной на рис. 2, 1. Но, по-видимому, это не един-

Рис. 1. Керамика различных культур с меандровыми узорами: 1 — лозьвинский тип, пос. Леуши X (сборы В. М. Конорина); 2 — черкаскульская культура, мог. Березки V г (Шокина); 3 — алакульская культура, мог. Тасты-Бутак I (Сорокин В. С., 1962, табл. IV, 74); 4 — лозьвинский тип, сел. Туманское I (Викторова); 5 — сузгунская культура, пос. Ново-Шадрино VII (исследования О. Н. Корочковой и В. И. Стефанова); 6 — федоровская культура, сел. Кипель (Стоколос В. С., 1972, рис. 25,3); 7 — атлымская культура, пос. Барсова Гора II/16 (раскопки М. В. Елькиной); 8 — амангельдинский тип, мог. Амангельды I (Зданович Г. Б., 1973, рис. 4,4); 9 — атлымская культура, пос. Перегребное IV (раскопки В. М. Морозова); 10 — федоровская культура, мог. Субботино (Потемкина Т. М., 1985, рис. 100,5); 11 — атлымская культура, гор. Барсов Городок III/1 (раскопки М. В. Елькиной)

⁴ Меандр — распространенный тип геометрического орнамента, имеющий вид линии, ломанной под прямым углом (БСЭ, 1974, с. 545).

ственный путь образования исходного узора (рис. 2, 3). Вторая более сложная разновидность меандра встречена нами лишь один раз. Она могла получиться следующими путями: включением в исходный мотив такой фигуры, как ромб (рис. 2, 4), или рассечением сетки, приведенной на рис. 2, 3.

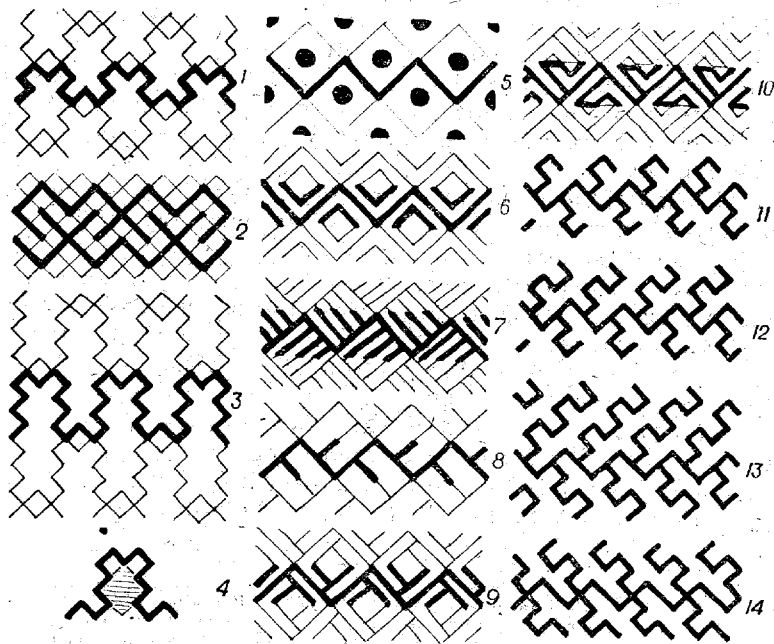

Рис. 2. Происхождение лозьвинских и атлымских меандровых узоров: 1, 3, 8—10 — образование меандровых узоров путем рассечения сеток с различными ячейками; 4 — образование усложненного лозьвинского меандра включением в исходный мотив квадрата; 5—7 — орнаментальные мотивы, лежащие в основе атлымских меандровых узоров; 8—14 — усложнение атлымских меандровых узоров изменением формы ответвлений

Атлымские узоры могут быть отнесены к меандрам лишь условно, так как они представляют собой зигзаги с отходящими вверх и вниз ответвлениями (рис. 1, 7, 9, 11). Чтобы избежать терминологической путаницы, их правильнее называть, по нашему мнению, не меандрами, а меандровыми узорами. Разнообразие ответвлений по форме определяет большое число модификаций орнаментов. Наблюдается

стремление к заполнению свободного пространства, образованного углами зигзага. Стремление к заполнению углов зигзага сближает атлымские «меандровые» узоры с некоторыми более простыми орнаментальными мотивами, также встреченными на атлымской керамической посуде. Мы имеем в виду «взаимопроникающие треугольники» (рис. 2, 7), зигзаги с вложенными в них углами (рис. 2, 6) или ямками (рис. 2, 5). Интересно, что все упомянутые узоры могут быть получены путем рассечения квадратной диагонально-поставленной сетки, имеющей различные по форме ячейки (рис. 2, 5—10).

По своей структуре лозьвинские и атлымские орнаменты могут рассматриваться как бордюры, т. е. фигуры, имеющие особенную ось переносов и особенную одностороннюю (полярную) плоскость, переходящую в себя при параллельном переносе (Шубников А. В., Копчик В. А., 1972, с. 73). Присущие им виды симметрии определяются следующими формулами: (а) — рис. 2, 12—14; (а) · а — рис. 2, 7—10; (а) : 2 · а = а · а : m — рис. 2, 1, 3, 5—6. Все перечисленные виды симметрии бордюров известны в обско-угорском орнаменте: (а) : 2 · а = а · а : m — одинаково характерен для дерева, кости, меха и бересты, вышивки и мозаики; (а) — встречается только на мехе, бересте, вышивке и мозаике из тканей и последний (а) · а — преимущественно на бересте и мехе (Иванов С. В., 1963, с. 153). Чрезвычайно важным для нас представляется мнение С. В. Иванова, относящего узоры, аналогичные по форме лозьвинским и атлымским, к числу исходных, легших в основу многих более сложных мотивов орнамента приобского (ленточного) типа (1963, рис. 82, б и 10). Полностью соглашаясь с этой точкой зрения, попутно отметим, что простота, присущая узорами на керамике, обусловлена, вероятно, свойствами материала, на котором они выполнены. В отличие от глины мех, береста и ткань позволяют значительно усложнить исходные орнаментальные мотивы, что привело к сложению большой группы узоров, известных нам по этнографическим источникам (рис. 3).

Следует ли согласиться с предположением В. Н. Чернецова и рассматривать появление меандровых узоров на керамике северных культур как результат заимствования у андроновских племен, продвинувшихся в позднем бронзовом

веке в таежную зону Зауралья и Западной Сибири? Чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо остановиться на чертах сходства и различия меандровых орнаментов у разных групп населения.

Узоры «уши зайца» или «щучьи зубы» в неосложненном виде довольно часто встречаются на черкаскульской керамике, но наносились они не змейкообразными штампами, а ко-

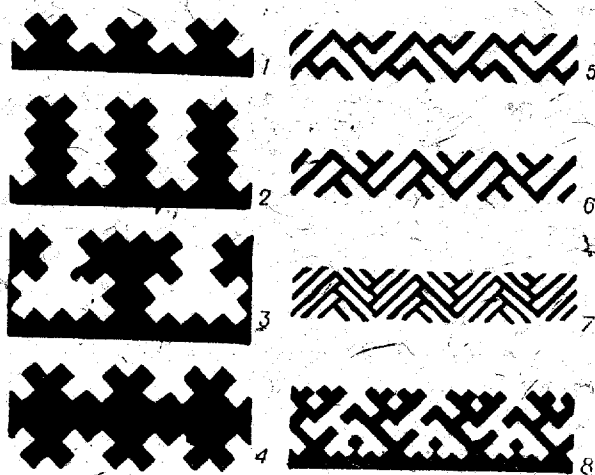

Рис. 3. Орнаменты приобского (ленточного) типа, идентичные лозьвинским и атлымским меандровым узорам: 1, 3 — Иванов С. В., 1963, рис. 77, 9, 16; 2 — Иванов С. В., 1961, табл. 3, 7; 4 — Лукина Н. В., Рындина О. М., 1983, рис. 5, В; 5—8 — Иванов С. В., 1963, рис. 78, 7; рис. 72, 37—38; рис. 74, 7

роткими резными линиями (рис. 1, 2). На алакульской керамике этот меандр выполнялся проташенной гребенкой (рис. 1, 3), на федоровской и амангельдинской — неширокой гребенчатой лентой (рис. 1, 6, 8), на сузгунской и карасужской (Членова Н. Л., 1972, табл. 14, 2) посуде узор проявляется на негативе, образованном между двумя ленточными зигзагами с V-образными фигурами на вершинах (рис. 1, 5). Обе

разновидности орнамента: исходная и усложненная — известны на керамике поздняяковской культуры. В одном случае узор выполнен гребенкой, в другом — веревочкой (Попова Т. Б., 1985, рис. 4, 7).

Таким образом, различаясь в технике нанесения, как исходный, так и усложненный меандры встречаются на довольно широкой территории в неизменном виде. В настоящее время затруднительно указать конкретную группу населения, где могли возникнуть эти узоры, однако, учитывая ареал распространения, мы склоняемся к мнению об их зауральско-западно-сибирском происхождении.

Определенный интерес представляет сравнение атлымских орнаментов с андроновскими ковровыми узорами, анализу структуры которых посвящена работа С. В. Зотовой (1965, с. 177—181). Она приходит к выводу, что все многообразие ковровых орнаментов получается путем усложнения нескольких мотивов. Известное сходство с атлымскими имеют узоры, отнесенные исследователем к типу «В». Для них характерны построение на основе квадратной диагонально-поставленной сетки и наличие исходной фигуры — коленчатый крючок, отпущенный из середины стороны зигзага (Зотова С. В., 1965, рис. 1, В) (рис. 1, 10). Усложнение достигалось последовательным присоединением «Г»-образных и меандровых фигур (Зотова С. В., 1965, рис. 1, В₂—В₄, В/М). В отличие от андроновских у атлымских узоров ответвления помещаются выше и ниже зигзага, с которым они связаны. И, наконец, отметим различия в технике орнаментации. На атлымской керамике декорирование производилось мелко-струйчатыми и крестовыми штампами, а на андроновской — гребенкой, образующей неширокие ленты. Несоответствие орнаментов по перечисленным признакам не дает достаточных оснований считать атлымские меандровые узоры заимствованными у андроновского населения. Их истоки, как уже указывалось выше, логичнее искать среди таких орнаментов, как «взаимопроникающие треугольники», зигзаги со сложными углами или ямками (рис. 2, 5—7).

Изложенное выше позволяет сформулировать следующие выводы. Меандровые узоры на лозьвинской и атлымской керамике представляют собой наиболее простые мотивы орнамента приобского (ленточного) типа, которые следует рассматривать в качестве исходных. На территории лесного Зауралья — Западной Сибири они появляются в

⁵ Точку зрения В. Н. Чернецова о заимствовании андроновских меандровых узоров таежным населением разделяют В. А. Могильников (1973, с. 180), Л. П. Хлобыстин (1976, с. 60), М. В. Елькина (1977, с. 110).

эпоху поздней бронзы. Роль андроновских или андронидных групп населения в формировании этих орнаментальных мотивов представляется более скромной, чем считалось раньше.

Дополнительную информацию дает общий принцип построения меандровых и ковровых орнаментов на основе квадратной диагонально-поставленной сетки. Одно из объяснений этого явления — наличие общих истоков у таежных, андронидных и федоровской культур. В качестве основы могли выступать, например, такие родственные культуры, как липицкая, суртандинская, терсекская (Логвин В. Н., Калиева С. С., 1984, с. 240) и ботайская. Близки им по облику керамики памятники аятского, чужьяельского типа (Стоколос В. С., 1986, рис. 10—11, 15—17 и др.) и поселения типа Ир II (Косинская Л. Л., 1984, рис. 4). Все вместе они образуют, на наш взгляд, культурную общность, занимающую территорию к востоку от Урала и частично Северное Приуралье. В материалах перечисленных памятников отчетливо проявляется то, что в литературе называется андронидной орнаментальной традицией или традицией требенчатого геометризма (Косарев М. Ф., 1981, с. 30). Одним из основных его признаков является построение орнаментов по квадратной прямо или диагонально-поставленной сетке. Этот важнейший принцип, лежащий в основе орнамента приобского типа и меандровых узоров южных и северных культур бронзового века, фиксируется в уже сложившемся виде на материалах, относящихся к концу III — началу II тыс. до н. э.

В заключение подчеркнем, что знание основных характерных черт орнаментов, известных по этнографическим источникам, создает предпосылки для их целенаправленного поиска в материалах культур, существовавших в Зауралье — Западной Сибири в различные эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

- БСЭ — Большая Советская Энциклопедия, 1974.
Васильев Е. А. Северотаежное Приобье в эпоху поздней бронзы // Археология и этнография Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1982. С. 3—14.
Викторова В. Д. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, С. 254—270.
Елькина М. В. Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977. С. 104—118.

- Зданович Г. Б. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области // ВАУ. Свердловск, 1973. Вып. 12. С. 21—43.
Зотова С. В. Ковровые орнаменты андроновской керамики // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 177—181.
Иванов С. В. Орнамент // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 369—434.
Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник // ТИЭ. Новая серия. М.; Л., 1963. Т. 81. 500 с.
Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 278 с.
Косарев М. Ф. Андронидные культуры Зауралья и Западной Сибири // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 3—7.
Косинская Л. Л. Поселение Ир II // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984. С. 45—55.
Логвин В. Н., Калиева С. С. Стоянка Евгеньевка 2 (Северный Казахстан) // СА. 1984. № 1. С. 235—241.
Лукина Н. В. Альбом хантыйских орнаментов. Томск: Изд-во ТГУ, 1979. 239 с.
Лукина Н. В., Рындина О. М. О семантике орнамента восточных хантов // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1983. С. 129—142.
Могильников В. А. К этнокультурной характеристике Западной Сибири в эпоху раннего железа // Из истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1973. Вып. 7. С. 175—189.
Попова Т. Б. Значение орнаментальных мотивов и керамических форм для датировки памятников поздняяковской культуры на Оке // Труды Гос. исторического музея. 1985. Вып. 60. С. 133—187.
Потемкина Т. М. Бронзовый век лесостепного Приобья. М.: Наука, 1985. 376 с.
Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане // МИА. 1962. № 120. 185 с.
Стоколос В. С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М.: Наука, 1972. 168 с.
Стоколос В. С. Древние поселения Меанской долины. М.: Наука, 1986. 191 с.
Хлобыстин Л. П. Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. Л.: Наука, 1976. 65 с.
Хомич Л. В. Ненцы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1966. 330 с.
Чернецов В. Н. Орнамент ленточного типа у обских угров // СЭ. 1948. № 1. С. 139—152.
Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. 1953. № 35. С. 7—71.
Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи // МИА. 1972. № 182. 148 с.
Шорин А. Ф., Крутских Н. А. Черкаскульские могильники в Челябинской области // СА. 1984. № 4. С. 150—162.
Шубников А. В., Колпик В. А. Симметрия в науке и искусстве. М., 1972. 339 с.

Орнамент народов Западной Сибири: Сб. статей/Под ред. Н. В. Лукиной. — Томск: Изд-во Том. ун-та. 1992. — 150 с. 750 экз. 0505000000.

В межвузовском сборнике публикуются материалы и исследования по орнаменту народов Западной Сибири с глубокой древности до наших дней. Большинство авторов рассматривают орнаментальные мотивы в процессе их развития, т. е. в историческом аспекте. Исследуются также семантика изображений и функция изделий декоративно-прикладного искусства. Почти все статьи написаны по новым полевым материалам.

Для археологов, этнографов, искусствоведов, народных мастеров, краеведов и всех интересующихся искусством народов Западной Сибири.

Рецензент — проф. Л. А. Чиндина

ISBN 5-7511-0134-0

О $\frac{0505000000}{177(012)-92}$ 16-91